

КРИТЕРИЙ ЧЕЛОВЕКА

«Слушай большую идею: был на земле один день, и в середине земли стояли три креста. Один на кресте до того веровал, что сказал другому: будешь сегодня со мною в раю. Кончился день, оба померли, пошли и не нашли ни рая, ни воскресения. Не оправдалось сказанное. Слушай: этот человек был высший на всей земле, составлял то, для чего ей жить. Вся планета, со всем, что на ней, без этого человека — одно сумасшествие. Не было ни прежде, ни после Его такого, и никогда, даже до чуда. В том и чудо, что не было и не будет такого же никогда. А если так, если законы природы не пожалели и этого, даже чудо свое же не пожалели, а заставили и его жить среди лжи и умереть за ложь, то стало быть, вся планета есть ложь и стоит на лжи и глупой насмешке. Стало быть, самые законы планеты ложь и дьяволов водевилей. Для чего же жить, отвечай, если ты человек.» (Достоевский, «Бесы». Кириллов.).

Здесь великий писатель-мыслитель отрицательным образом поставил глубочайшую проблему бытия, проблему судьбы ценности, тот или иной ответ на которую мог бы составить целое мирозерцание. Она в трагическом образе смерти Сократа явилась исходным моментом главнейших платоновских мотивов и воззрений; от нее, в конце концов, идут все религии и глубочайшие запросы творческого человеческого духа.

Величайшие мыслители, как Платон, Кант и др., в проблеме этой видели последнюю проблему мира и человека. И действительно, вопрос о ценности есть вопрос о ценности всего и, следовательно, вопрос о значении и смысле всего. Можно было бы сказать, что ни одна проблема не имела бы ценности, если бы не существовало самой проблемы ценности. Но прежде всего, конечно, вопрос о судьбе ценности и, главным образом, о судьбе величайшей ценности — человека, это вопрос о смерти и бессмертии, — в том высшем значении его, в котором коренится и вопрос о смысле жизни. Как же ответить на этот центральный вопрос Судьбы в самом сокровенном ее значении?

♦♦

На двух основных принципах, являющихся двумя составными элементами первоосновного принципа всеединства, держится все: на принципе сохранения вещества — в низшем физическом плане бытия, и на принципе сохранения ценности — в высшем нравственном плане. Как без первого было бы невозможно физическое существование, так без второго невозможно духовное бытие. Этот последний принцип является конститутивным положением всякого проявления творческой жизни. На нем в последнем счете держатся все представления о смыс-

ле бытия. Если предмет религии — то, что есть «самое важное», то в некотором, условном смысле можно согласиться с Г. Геффдингом, что предметом религии и является вера в сохранение ценности. (См. его «Фил религии»). Ибо эта вера, в известном отношении, и есть самое важное: без нее невозможна нравственная жизнь. Конечно, с большим правом основной аксиомой всех религий можно было бы считать более общий принцип Единства, частным проявлением которого является и это положение о сохранении ценности, как выражение единства во временном аспекте. На это уже указывает само обозначение: «религия» (что значит: воссоединение). Но, с другой стороны, поскольку временной аспект бытия является более первичным, чем второй его, пространственный аспект, можно считать, что в самом составе первоосновного принципа Единства принцип сохранения ценности является доминирующим. Им конституируется самое сокровенное существо бытия, и вместе с тем с ним связываются наиболее заветные и глубокие чаяния и устремления человеческого духа. И, действительно, во времена, когда — как например, в современную нам эпоху, ослабевала глубинная вера в силу этого принципа, падала и замирала духовная жизнь, и на поверхность выходили оголтелые, мутные, отрицательные стихии. Ибо именно в нем, в этом принципе, человек ближайшим образом ищет основания для смысла бытия — своего и мирового. Люди бы не воздвигали величественных культур и не творили бы целых миров ценностей, если бы инстинктивно не верили в силу этого закона, и если бы их творчество и действительно в соответственном онтологическом порядке не поддерживалось им.

***

В духовном пределе своем он, этот принцип сохранения ценности, знаменует не что иное, как относительность, конечность отрицательного начала бытия, начала зла и абсолютность, бесконечность его положительного начала, начала добра. Иными словами, он указывает на нравственную основу бытия, на идеальность его субстанции, — наше высшее и первоосновное положение. Тем самым, принцип сохранения ценности есть формула истинно идеалистического взгляда на мир, принцип истинно идеалистического мирозерцания. Он полагает конечное торжество в мире добра, манифестирует его потенциальную непобедимость.

Ценность не феноменологична, а онтологична, — бытийственна. Если субстанция бытия — начало положительное, идеалистическое, а не отрицательное, материалистическое, то ценность, как выражение такого начала, — субстанциальна, следовательно, — безусловна, абсолютна, бесконечна. Она совпадает с понятием бытия в собственном смысле: то, что подлинно существует — ценно, то, что ценно, — подлинно существует.

Поэтому принцип сохранения ценности есть также ближайшее выражение идеи бессмертия. Смертная и разрушимая в феноменологическом порядке, ценность бессмертна и не рушима в порядке онтологическом, где, как реальность единства, она приобщена к порядку бесконечности, к Всеединству. Неценность, отрицательная ценность, напротив, как дисгармоническая реальность раз'единения, лишена этой онтологической приобщенности к бесконечности. И в качестве таковой, она относительна, конечна, смертна.

***

Понятие ценности глубже, шире и значительнее всякого воз-

возможного ее определения. В известном отношении его можно отождествить с понятием бытия, но бытия в собственном смысле. «И действительно, — говорит Н. Лосский («Ценность и Бытие»), — буквально любое содержание бытия есть положительная или отрицательная ценность не в каком либо своем отдельном качестве, а **насквозь всем своим бытийственным содержанием**» (Подчеркнуто автором). Подобного же взгляда держался Спиноза, отождествлявший «реальность» и «совершенство», Фома Аквинский, для которого *ens* и *bonum* почти однозначные термины, Бл Августин и др. Тем не менее, это не совсем так, ибо иначе не имело бы смысла само существование понятия ценности.

Ценность есть бытие, но в его целостном и гармоническом значении, — Абсолютное бытие. Она есть его нравственное осуществление, его Победа. В ней дух торжествует свою победу над материей, жизнь над смертью, единство над раз'единением, гармония над хаосом, и т. д. И это Торжество есть торжество творчества, в котором и создается ценность.

Обычное состояние действительности — разрыв и даже противопоставление начал **идеального и реального**. На этом противопоставлении зиждется древняя вековечная антитеза Теологического и Материалистического миросозерцаний. Благодаря такому разрыву то и другое из этих двух начал обладают лишь умаленным и частичным — относительным бытием: идеальное лишено атрибута реальности, реальное — атрибута идеальности. Лишь в творческом акте, создающем ценность, осуществляется преодоление этого противопоставления и достигается воссоединение этих двух начал: в нем идеальное, осуществляясь, становится в то же время реальным, и реальное, преобразуясь, становится идеальным. Выражением этого творческого воссоединения и является ценность, которая, поэтому, и есть осуществление целостного и гармонического Абсолютного бытия, бытия в собственном смысле.

В силу этого ценность, как и то, что ее создает — творчество, есть центральная категория **целостного и гармонического** Титанического миросозерцания, преодолевающего вышеозначенную антитезу Теологического сознания, знающего лишь идеальное, отрицающее реальное и Материалистического, знающего лишь реальное, отрицающее идеальное. Тем самым, если центральной категорией Титанического миросозерцания является ценность, в которой осуществляется целостное и гармоническое Абсолютное бытие. бытие в собственном смысле, то аналогично центральной категорией антиреалистического Теологического миросозерцания является **реалистически** умаленная потенциальная ценность — **идея**, в близком к платоновому смысле, а аналогично центральной категорией антиидеалистического Материалистического сознания служит **идеалистически** умаленная, утилитарная ценность, — **полезность**. Ценность, потенциальная ценность — **идея** и утилитарная ценность — **полезность** — таковы, следовательно, три определяющих феномена этих трех основных видов миросозерцания.

Но не зная ценности, как таковой, эти две последние формы сознания, не знают, поэтому, и того, что обуславливает собой как творчество, так и самое ценность, — принципа сохранения ценности. Тем самым, они не знают и самого сокровенного существа идеи Судьбы, в частности, идеи бессмертия, которая нравственным образом конституируется этим принципом.

Во всяком случае, если ценность тождественна бытию в собственном смысле, Абсолютному бытию, значит она онтологична, то есть причастна тому порядку Всеединства, где все во всем, — порядку бесконечности. Поэтому положение о ее сохранении ей имманентно по существу. Это же положение, как сказано, есть сокровеннейшее основание частного проявления идеи Судьбы, идеи бессмертия в ее истинном и новом значении, соответствующем духу и уровню всемирно-исторического бытия, — т.е. бессмертия через присутствие во Всем, через приобщенность к бесконечности, через единство с миром и гармоническое отношение к нему. Такая же приобщенность отдельного ко Всему, частного к Общему, как дальше увидим, и достигается в ценности, как творческом способе осуществления Всеединства, как актуальном выражении его. Таким образом, в ценности и через ценность конечное приобщается к бесконечному, относительное — к абсолютному, смертное становится бессмертным. В ней, в процессе творчества преодолевается конечный пространственно-временной феноменологический порядок бытия и актуализируется его бесконечный онтологический порядок. Это же есть самое сокровенное содержание преобразования мира в его двух основных аспектах — природы и истории.

Принцип сохранения ценности есть основное выражение универсалистического принципа Всеединства в высшем временном аспекте мира, аспекте истории, как принцип сохранения вещества есть основное выражение того же принципа Всеединства в низшем пространственном аспекте, аспекте природы. И как принцип сохранения вещества является основным положением познания и овладения природой, преодоления пространства, так принцип сохранения ценности служит основным положением познания и овладения историей, преодоления времени. Тем самым, он есть высшее и наиболее значительное проявление универсалистического принципа Всеединства. В нем последний обретает свое наиболее заветное и глубокое значение, ибо находится в ближайшем отношении к судьбе ценности, как таковой: **центральной и важнейшей проблеме мира.**

В этом и состоит связь единства с бесконечностью. Последняя есть порядок и мера первого. Но единство, как сейчас увидим, реально осуществляется в ценности. Поэтому, следовательно, в самом понятии последней заключено положение о ее сохранении. Ведь если ценность является выражением единства всего со всем, а этот гармонический порядок означает порядок бесконечности, значит в ценности и через ценность отдельное приобщается ко Всему, частное — к Общему, конечное к бесконечному, и следовательно, именно из этой ее связи с основным универсалистическим принципом Всеединства вытекает, в качестве производного, принцип о ее неуничтожимости, о ее сохранении.

Уже из того, что порядок единства по существу своему есть **благостный** порядок, следует непосредственная связь ценности и единства: ведь понятия благостного и ценного в известном отношении — идентичны. Или, идя иным путем: ценность по самому определению своему есть выражение целостного и гармонического Абсолютного бытия. Такое же гармоническое и целостное состояние бытия есть состояние единства. Следовательно, категории единства и ценности и здесь совпадают. Или еще иначе: любовь — отношение единства, возможна лишь в отношении к ценному. Любить значит ценить,

и полюбить значит оценить. Собственно, отношение между ценностями, как таковыми, это и есть любовь в метафизическом смысле, как и обратно — любовь это и есть отношение между ценностями. Любить можно и должно лишь истинное, прекрасное, доброе. Любви к отрицательному: лжи, уродству, злу, не только не может быть, но и не должно быть, иначе это было бы извращением, пороком, паталогией. Отрицательное есть то, что подлежит не любви и утверждению, а борьбе и преодолению. В этом и состоит нравственная жизнь и содержание всякой положительной деятельности.

Но любовь, будучи возможной лишь к ценному, в то же время возможна и со стороны лишь ценного. Только ценное может быть любимым и только ценное может любить. Злое, отрицательное, — не ценное, не способно любить, а только ненавидеть. Способность любви есть в известном смысле общее мерило всех положительных способностей, и в качестве таковой, она не может быть приписана отрицательному субъекту. Следовательно, не только объектом, но и субъектом любви может быть лишь ценное: совершенное, прекрасное, доброе. И чем значительнее ценность субъекта любви и совершеннее, ценнее объект ее, тем значительнее возможная любовь между ними, их возможное единство. Как и обратно — чем сильнее любовь между объектом и субъектом, тем, значит, выше ценность того и другого.

Таким образом, ценности суть узлы единства, в них и через них элементы бытия связываются в одно целое. Лишь они вступают в отношения единства, и лишь они друг в отношении друга гармоничны. Только ценное с ценным можно объединить, то-есть только то, что предрасположено к единству. И если антитеза ненависти и любви, то-есть отрицательного и положительного, добра и зла есть в этом моменте исчерпывающая антитеза, то всякое иное отношение, кроме этого отношения ценного к ценному, как гармонического отношения любви, есть отношение ненависти и, следовательно, отношение разединения, отталкивания, взаимоуничтожения.

Это положение, что в ценности осуществляется единство, очевидно и из эмпирического усмотрения. Достаточно указать на современный мир, который связан бесчисленным множеством нитей единства: внутреннего и внешнего. Но это состояние всесторонней связанности его — продукт культурного развития. Всякое же культурное развитие выражается в ценностях, им создаваемых. Следовательно, все это многообразное единство современной жизни в основе своей имеет целый мир ценностей, которым оно живет.

В этом смысле — единство — функция ценности. Последняя его выражает и творит, воплощает и утверждает. Как звено цепи, связывая лишь два ближайших звенья, связывает собой всю цепь, так каждая ценность, будучи конкретно выражением лишь частичного единства, осуществляет единство всего со всем через реальность первоосновой всеобщей связи во Всеединстве. Вот почему мощная любовь лишь к одному предмету любви может связывать субъекта ее со Всем. Указания на это известны не только из опыта всех морально значительных натур, но ими полна также вся мировая литература и поэзия.

Но воплощая начало Единства, ценность, тем самым, осуществляет онтологический порядок бытия и преодолевает его конечный феноменологический порядок. Связывая каждое отдельное со Всем, она приобщает его к бесконечности, творит бессмертие. Следовательно, положение о сохранении только в ней и находит свое утвер-

ждение. Вне власти ее «все течет» (*panta rhei*), все переходит: бывает, но не пребывает.

Теперь мы выдвинем решающее положение о значении и судьбе ценности и, следовательно, о Судьбе в ее самом глубоком и возвышенном моменте.

**

Кто не разрушает, тот творит, кто не творит, тот разрушает. Этим мы хотим выразить всеобщность антитезы творчества и разрушения, устанавливая, что дух, — стихия бытия — лишь творческое состояние материи; как материя, — стихия небытия, — только деструктивное состояние духа. Все прочие антитезы положительного и отрицательного начал находятся в ближайшей существенной связи с этой наиболее значительной из них.

Но творчество и разрушение есть творчество и разрушение ценности. Вне отношения к понятию ценности о творчестве нельзя даже говорить, как нельзя говорить и о разрушении вне отношения к этому же понятию.

Точно также смерть и бессмертие можно относить лишь к ценности и, прежде всего, к высшей интегральной ценности — к человеку, — независимо, при этом, от того, признается или отрицается их реальность. В отношении к не-ценности неприменима не только реальность бессмертия, но и само понятие смерти. Смерть в отношении к не-ценности есть лишь уничтожение, или и того меньше: превращение — нейтральный, безразличный процесс, — но не целое метафизическое событие, опрокидывающее весь строй эмпирической действительности. Именно поэтому в последней своей глубине смерть есть нравственная проблема. Она будит в нас скорбь, отчаяние, душевные страдания — с одной стороны, и бунт, протест, волю к победе — с другой. Величайшими восстаниями против смерти были религии, и величайшее из этих восстаний — христианство. — Но только в символическом смысле. Лишь грядущее новое Демииургическое мирозерцание, Прометеизм, конституирующееся ценностью и тем, что ее создает — творчеством, несет в своем пределе победу над ней и в реальном смысле. Тем самым, проблема преодоления смерти есть проблема осуществления ценности, и тогда, с другой стороны, суть бессмертия в сущности сохранения ценности.

«Всякое зло может быть сведено к смерти, пишет Н. А. Бердяев. Убийство, ненависть, злоба, разврат, зависть, месть есть смерть и сеяние смерти» («О назначении человека») Поэтому и победа над злом есть, в частности, победа над смертью. В совершенном мире смерти не могло бы быть. Зло же преодолевается в ценности, как осуществлении добра. Следовательно, есть только одно оружие против смерти: ценность. И это оружие показывает, что борьба со смертью есть Подвиг, ибо она осуществляется в утверждении Идеального; и подвиг этот есть подвиг творчества, ибо всякая ценность — творится.

Таким образом, нет иного пути преодоления смерти, кроме пути Творчества, прометеевского пути Истории, и нет иного Бога, побеждающего смерть, кроме Становящегося Бога, — Бога исторического Сверхения и Победы, Бога Творчества - Труда. Предельная эта проблема есть частное выражение общей прометеевской проблемы преобразования мира, проблемы победного Титанического мирозерцания, — и в качестве таковой, она сокровенное содержание Истории, ее Завет. Ведь в глубочайшем своем смысле История, как Абсолютный подвиг преобразования мира и как высшее, сокровенное выражение Мирового Становления - Восстановления, есть путь Восста-

ния - Воскресения, путь реализующегося Торжества. Вот почему тайна смерти столь тесно связана с тайной времени, этим **отрицательным принципом Истории** и, вместе с тем, величайшим объектом творческого преодоления. Только в таком аспекте бытия поставленная, эта проблема смерти может быть надлежащим образом очерчена, будучи соотносена с ценностью. Вне его нашему взору предстанет лишь отвратительное психофизическое явление и только, но исчезнет бездонная глубина, мировая тайна, — мистерия смерти.

Всю эту нравственную значительность, которую ценность придает смерти и бессмертию, она также сообщает творчеству и разрушению.

***

Творчество не-ценности не есть творчество, и разрушение не-ценности не есть разрушение, — уже потому, что то и другое являются телеологическими понятиями. Но как разрушение, следовательно, разрушение ценности, является распадом, **раз'единением**, так, значит, и обратно — творчество, которое, как таковое, есть творчество ценности, является **об'единением**, сложением. И действительно, творчество с полным основанием может рассматриваться, как воссоединение, как преодоление хаоса и аморфности материи, как торжество любви над разрушительной стихией ненависти и т. п. Следовательно, и этим путем мы приходим к понятию ценности, как осуществлению единства. В частности.

Творчество есть творчество в ценности **гармонического** порядка бытия, а этот порядок, по самому понятию своему, есть порядок единства. Оно, с другой стороны, есть **организация** материи, преодоление деструктивного состояния дезорганизации, распада разложения, а то и другое опять таки говорят об осуществляемом единстве, достигаемом в ценности. Мы, таким образом, любым путем снова и снова будем приходить все к одному и тому же заключению о внутренней связи ценности с универсалистическим принципом Всеединства. Наконец, самое главное.

Если с положительной стороны в творчестве и, следовательно, в его продукте — ценности, осуществляется гармонический порядок бытия, — порядок Единства, то с отрицательной стороны в нем, в форме ценности достигается преодоление дисгармонического **пространственно-временного** порядка небытия, как порядка раз'единения. Преодолевая в форме ценности пространственно-временной феноменологический порядок конечности и раз'единения, творчество в этой форме ценности осуществляет потенциальный онтологический порядок бытия, порядок бесконечности и Всеединства. В нем достигается преодоление материи — со стороны содержания небытия и пространственно-временных отношений раз'единения — со стороны его формы. И потому ценность — результат творчества, есть, действительно, **сверх-временная** и **сверх-пространственная** реальность **духа**, онтологическая реальность бесконечности и всеединства. Тем самым, закон о ее сохранении, ей имманентен по самой ее природе.

Следовательно, приобщаясь к ценности и через нее к онтологическому порядку Всеединства, к порядку бесконечности, мы в ней обретаем и актуализируем наше Универсальное существо, нашу внутреннюю бесконечность, поскольку ценность есть модус связи индивидуального с универсальным, частного с общим, конечного с бесконечным. Выражая в себе онтологический порядок Всеединства, она приобщает к нему и ей причастных.

***

Ценное — бессмертно, бессмертное — ценно. Соотносительность

этих двух понятий — самое значительное положение бытия. Здесь заключена ось нравственного миропорядка. Без него мир рассыпался бы, утратил бы свой вечный смысл. Из этого видно, что вера в бессмертие есть нравственное суждение, как это понимали даже некоторые позитивисты, — есть оценка, то есть наделение предмета этой веры качествами ценности. Это своеобразным образом было выражено уже у древних, которые бессмертие приписывали лишь высшим идеальным существам — богам и героям, усматривая в нем выражение их превосходства. И древние в этом отношении были ближе к истинному пониманию великой идеи бессмертия, чем спрофанировавшее ее потом христианство, в котором она выродилась, в конце концов, в суеверие. — «На тот свет придти с носовым платком. Ни чуточку меньше», — по выражению В. В. Розанова. «Мысль о воскресении из мертвых ужасает меня, — говорил как то Репин. — Идешь по Невскому проспекту и вдруг навстречу Иоанн Грозный: Здравствуйте! Дрожь пробирает от одной мысли о таком воскресении» (В. Поссэ, «Мой жизненный путь»). В этом наивном и примитивном представлении о бессмертии и воскресении не содержится как раз души этой великой идеи: **преображения мира** и, следовательно, преобразования человека, — торжества ценности, как критерия бессмертия. Личность человека есть то, что в ней есть положительного, ценного; все то, что в ней есть отрицательного, неценного, не составляет ее, а отрицает. Его отношение к ней — не отношение сложения, а, так сказать, — вычитания. И потому оно в ней есть то, что подлежит преодолению, а не утверждению, уничтожению, а не бессмертию. Человек есть единственное существо, способное преодолеть самое себя, и через то это существо — бессмертное. Ибо бессмертие не предоставляется, а творится; оно не дается, а достигается. Будучи категорией ценности, оно подлежит осуществлению, как идеал, как подвиг, как задание. Оно — высший атрибут человеческого достоинства. Мы бессмертны в том, что в нас есть ценного, единящего нас с универсальным и смертны в том, что в нас есть не-ценного, отъединяющего нас от него. Иными словами, мы бессмертны в добре и смертны в зле. Ибо лишь ценное единит и обесконечивает, не-ценное отъединяет и оконечивает. Поэтому только в своем потенциально-онтологическом существе, представляющем Абсолютную ценность, человек безусловен и бесконечен, в его актуальном существовании он проблематичен в каждый данный момент, творя себя или разрушая.

♦♦

Бессмертие — удел величия. И лишь потому, что в той или иной мере величием в своей онтологической сущности отмечен каждый человек, оно присуще каждому человеку. Ведь реальность его — в присутствии во Всем, в приобщенности к бесконечности, то есть в ценности, которая и является модусом такого единства, — единства индивидуального с универсальным, конечного с бесконечным. Следовательно, в степени этого единства, в степени приобщенности к ценности, которая и служит критерием человеческой значительности и заключается реальность бессмертия. Поэтому нужно лишь ценностями себя питать, лишь ценное в себе носить и мыслить, лишь для ценного жить и жить ценным, лишь в нем полагать свой критерий цели и средства. Ценности суть та человеческая амброзия, — та «пища богов», дававшая им бессмертие, питаясь которой, человек только и может поддерживать себя в качестве высшего Абсолютного существа, существа, призванного к бесконечности.

Как соотносительные понятия, ценность и бессмертие друг друга

предполагают и обуславливают. Поэтому, говоря об истинном и прекрасном, мы наделяем его эпитетом бессмертного, а о бессмертном мы говорим, как об истинном и прекрасном. «Не вечное — не истинно». Мы именуем «бессмертной» героическую творческую жизнь, говорим о «бессмертном» подвиге, о непреходящем значении того или иного дела, о «бессмертном» творении художника, поэта, общественного деятеля и т. п. Понятие бессмертия в нашем непосредственном представлении — некое возвышенное понятие; за ним как бы стоит санкция высшего нравственного закона. Мы не можем о бессмертии говорить, как об обыденном житейском предмете. Эта тема будит в нас представления о высшем идеальном порядке бытия, с ней связан особый возвышенный род настроенности. Но такой темой может быть лишь тема о ценности и о ее судьбе.

Таким образом, принцип сохранения ценности есть не что иное, как выражение идеи бессмертия. И обратно, идея бессмертия в своем высшем и сокровенном значении — не что иное, как выражение торжества этого принципа. Неверие в бессмертие есть неверие в сохранение ценности, — и прежде всего, высшей интегральной ценности — человека; вера в сохранение ценности есть вера в бессмертие. То и другое — предмет идеалистического мирозерцания. Поэтому наша материалистическая эпоха вполне последовательно отрицает и то, и другое. «Знающая всему цену, но не знающая ничему ценности», она, естественно, не знает и того, чему ценность сообщает смысл и нравственную необходимость — бессмертия.

**

Но прежде всего и главное всего, принцип сохранения ценности есть основной и наиболее значительный принцип Истории. Им сублимируется Судьба. Какъ было сказано, подобно тому, какъ организация природы, преодоление пространства имеет основным своим положением физический принцип сохранения вещества, так организация истории, преодоление времени, в чем и состоит овладение человеком своей Судьбой, основным своим положением имеет нравственный принцип сохранения ценности. В нем, в этом принципе, — скрытое положение и предположение Культуры, как таковой, и поэтому им, этим положением, обуславливается сокровеннейший движущий нерв идеи Прометеизма.

бытия, тем глубже в него проникало сознание; и чем катастрофичнее была эта поверхность, тем незыблемей становилась вера в Сохранение, подымавшаяся из глубины. Но эта кажущаяся антиномия должна с особой силой проявиться именно в нашу, предельно катастрофическую эпоху, когда впервые в небывалых размерах ставится под вопрос судьба Культуры во всей ее полноте, и что, поэтому, не может не выявить со всей значительностью и глубиной и это основное сокровенное предусловие Культуры — положение о сохранении ценности.

Однако, положение это имеет более общее и более универсальное значение и смысл. Им выражается вообще судьба Ценного в мире; и касается оно не поверхностного феноменологического порядка бытия, а его глубинного, онтологического порядка. В этом же порядке оно служит свидетельством и указанием на то, что, в силу единства всего со всем, ни одно слово, ни одна мысль, ни одно светлое побуждение не пропадают даром в общей Экономии бытия, если они были выражение в утверждении Блага. Именно в таком смысле, повидимому, Сократ, даже стоя перед своими судьями, утверждал,

что никто **доброму** человеку не может сделать зла. — В противоположность Спинозе, который указывал, что в нашем опыте удачи и неудачи одинаково выпадают и на долю благостных, и на долю злых. Но в том то и дело, что первый имел в виду потенциально-глубинный **онтологический** порядок бытия, второй — его поверхностный, **феноменологический** порядок. В том же, основном, онтологически определяющем порядке, добро неуязвимо для зла, и, следовательно, также — жизнь для смерти, бытие для небытия и т. п., ибо порядок — что-либо ценить. Ничтожный человек — наименее ценящий человек — этот есть гармонический порядок всеединства, универсалистический порядок бесконечности. Поэтому степень приобщенности к этому глубинному онтологическому порядку бытия, достигающейся в ценности и через ценность, и определяется судьба человека, — как в жизни, так и в смерти. И именно здесь, в этом состоит высшее значение и назначение творчества, которое является преодолением пространственно-временного феноменологического порядка раз'единения и конечности, с одной стороны, и осуществлением сверхпространственного и сверхвременного онтологического порядка бесконечности и всеединства, с другой стороны. То и другое выражается в продукте творчества — в ценности.

Итак, бессмертие, которое реально через присутствие во Всем, через приобщенность к бесконечности, реализующуюся в ценности, есть выражение онтологической значительности, нравственного величия. Но размер человека вообще, как и всякого явления, события, дела, определяется его отношением к ценности, ибо в ценности осуществляется Единство, — в единстве же с Универсальным черпает свое величие индивидуальное. В онтологическом же порядке Всеединства, где в качестве Универсального существа, человек все в себе содержит, он есть Всецелая ценность, Бог, во всякой ценности причастный, всякую ценность в себе вмещающий. В этом порядке он есть Абсолют. Но верное в пределе онтологического достоинства человека, верно на всякой ступени его онтологичности, приобщенности ко Всеединству. Если извращенное отношение к ценности может определяться, как преступность, а равнодушное, как убожество, то и дальше — степенью положительного отношения к ней должна определяться всякая духовная значительность. И действительно, нет более общего критерия для человека, чем его отношение к ценности, понимая это отношение в самом широком и всестороннем смысле: обладания, восприятия, творчества и т. п. Поэтому также самый значительный человек наделен наибольшей способностью оценки и, наоборот, ничтожество меньше всего способно что-либо ценить. Ничтожный человек — наименее ценящий человек, и потому он сам — человек наименее ценный. Это верно и в отношении общей оценки Человека, как такового, которая измеряется тем, кто ее совершает. Можно сказать, что если бы Бог действительно был, то он должен был бы быть самого высокого мнения о Человеке, ибо именно он воочию видел бы Бога в нем.

Этим выражается положение о нравственном притяжении между ценностями, — реальность любви. Ибо отношение единства есть отношение любви; это же отношение есть всегда отношение ценного к ценному, **измеряемое их размером**. Мы уже говорили, что, подобно тому как притяжение физических тел, сила любви, — нравственное притяжение ценностей зависит от их величины, от их значительности, — так, следовательно, сила любви, притяжение

к ценности данной отдельной индивидуальности определяется тем, что она представляет собой, как ценность. Ничтожная индивидуальность лишена этого нравственного притяжения, высоко одаренная — вся полна им. Потому первая — индивидуалистична, вторая — всегда универсалистична. Одна все обнимает, приобщенная ко Всему, другая коченеет в своем отъединенном ничтожестве, не цена по существу ничего и потому сама не представляя никакой ценности.

***

Таким образом, приобщающийся к ценности, приобщается к бесконечности, — к бессмертию. Но прежде всего это тот, кто к ней приобщается активно — творец ценности; тот, кто не только познает Единство, в ней осуществляющееся, но и осуществляет его. В частности, это также вдохновленные любовью два существа в единстве любви призывающие к жизни новое существо, их продолжающее во времени и через то преодолевающее время. Ибо создание человека есть также создание ценности и притом ценности высшего интегрального порядка.

Есть высокая и глубоко-правдивая истина в том безотчетном обыкновении, что творцов подлинных великих ценностей: поэтов, мыслителей, социальных строителей, массы величают бессмертными. Как создатели ценностей, форм осуществления Единства, они наиболее полно реализовали закон бессмертия, как закон Единства: бессмертия через присутствие во Всем. Ибо совершили жертву. — Творчество есть жертвоприношение. В нем творец отдает себя своему творению и через него, как ценность, единящую все во всем, отдает себя Всему. Тем самым, это высшее, божеское проявление жертвенности. Ибо отдавая себя другому, творец это другое создает. И такова трагическая сущность Истории: как творческий процесс, она есть сплошное жертвоприношение, жертвоприношение на алтарь Становящемуся Богу, как предельному понятию Творчества - Труда. Вот почему в Истории все подчинено, все приносится в жертву Будущему. Творить можно лишь то, что будет. Следовательно, и жертвы можно приносить лишь Будущему и лишь тому Богу, что будет, — Становящемуся Богу. В этом смысле всякое творчество — футуристично. Нельзя творить то, что есть, — настоящее или то, что было, — прошлое. Творить можно лишь то, чего не было и чего нет, но что будет, — Будущее. Подобно библейскому «создателю» мира, творческий человек также должен, создавая, утверждать: «Да будет!». И реально История, как необратимый процесс, вся обращена к Будущему, которому она приносит в жертву все. Но именно эта жертва — наиболее полный залог бессмертия, ибо через активную приобщенность к ценности обеспечивает наибольшую полноту Единства, как преодоления времени и осуществления вечности. Можно было бы в некотором смысле применить здесь великий христианский символ «божественной жертвы», ведущей к победе над смертью и воскресению («смертью смерть поправ»). А с другой стороны, вся История, как творческий процесс, преодоления времени и осуществления вечности, является тем самым, осуществлением бессмертия. Все же это: первое, второе и третье выражается в создании ценности.

***

Ценности суть элементы вечности. В их реализации связываются времена, творится История, которая и есть, с одной, отрицательной стороны, процесс преодоления времени, с другой, положительной, — утверждение вечности: то и другое достигает своего осуществления в творчестве ценности. Собственно, движение ценностей и составляет

сущность Истории, ее содержание и смысл, тайну и значительность. При этом, конечно, безразлично — с отрицательной или положительной стороны выражается это движение. Существенно то, что вне того или иного отношения к ценности или того или иного их соотношения между собой, нет исторического процесса в собственном смысле. История — это судьба ценностей. В совокупности она есть мистерия творческого Становления, все ценности вмещающей, Абсолютной ценности, — Бога, и Человека, как Универсального существа, Абсолютной ценностью, Богом становящегося. Осуществление Человеком в творчестве ценностей «царства Божьего на земле» и становление его в этом творчестве, как Универсального существа Абсолютной ценностью, Богом есть лишь объективная и субъективная сторона одного и того же процесса Мирового Становления, процесса Истории. Идеальное Царство ценностей создаваемое в преобразении мира, как объект, совпадает со становлением Абсолютной ценности, Бога, как субъекта. Та и другая сторона Мирового Становления — Истории выражается в творчестве ценностей.

Всякое осуществление, цель, всякая проблема, задача, достижение есть, в конце концов, то или иное отношение к ценности и, следовательно, к Единству. Вся История это не что иное, как **Объединение**, как преобразование мира и осуществление в нем всеутверждающего царства Абсолютной гармонии. И ценности суть элементы этого царства Всеобщего творчества. Они суть кирпичи, из которых на протяжении всего мирового процесса создается здание его. В Истории, в процессе всеобщего творчества осуществляется то **Царство ценностей**, тот идеальный миропорядок, который составляет ее завершение и смысл, ее последнюю цель и исполнение. И это Царство ценностей, — «царство Божие на земле», совпадает с осуществлением его субъекта — Абсолютной Ценности, Бога, в Мировом Становлении — Истории становящегося.

Ценность, как реальность творчества, есть основная реальность мироорганизующего Титанического мирозерцания, — реальность осуществленной любви, **прометеевской Победы**. Она организует мир, и в качестве идеальной силы, организует его свободно. Поэтому творчество в самом широком смысле, как творчество социальное, научное, художественное, техническое и т. п., которое, как таковое, есть творчество ценностей, не только покрывает собой понятие организации мира, но и очищает его от лигатурных примесей зла, уродства, насилия, несправедливости, которыми практика организации обычно сопровождается. Организация мира имеет своей целью осуществление более высоких, идеальных форм жизни, идеальный же порядок — это ценностный порядок. Следовательно, его осуществление может выражаться лишь в утверждении ценности, а не в ее отрицании, которое имеет место в случае каких бы то ни было проявлений зла, неправды, насилия, уродства и т. п.

При этом надо решительно опровергнуть тот роковой предрассудок, стоивший мировой истории столько утрат добра, что, якобы, во всякого рода общественных и духовных переворотах, новые, более высокие ценности, новая, более высокая Истина идет на смену старой низшей Истине. Как будто истина может быть «низшей» или «старой»? В действительности, в исторически осмысленных переворотах преодолевается не старая истина, а старая ложь. Истина, поскольку она истинна, не стара и не нова, а вечна; она не может быть ни «низшей», ни «высшей», ибо является бесконечной и, следовательно, оди-

наково высокой. На этом же основании и все люди онтологически равны, как равны при всех своих различиях бесконечные величины. Разница может быть лишь количественная: новая правда есть лишь более полная старая правда. Не «низшая» или «высшая», а более полная или менее полная, большая или меньшая, истина — таковы лишь допустимые здесь различия. Вот почему не может быть и процесса вытеснения одной истиной или ценностью другой истины или ценности, не может быть какого бы то ни было их отрицания, уничтожения, а лишь — утверждение, творчество.

Этим дается общий ответ и на актуальнейшую проблему нашего времени, проблеме нового высшего общества, организации новых социальных форм жизни. Беря понятие ценности в самом общем смысле и во всех выражениях его: справедливости, красоты, истины, свободы, полноты человеческого достоинства и т. п. можно сказать, что всякое общественное и жизненное усовершенствование — как бы оно ни было значительно или невелико, сводится, в конце концов, к осуществлению ценности, ибо даже тогда, когда одни ценности лишь перераспределяются, другие, тем самым, горжествуют. Разве не осуществляют ценности справедливости, права, солидарности и т. п., когда, например, перераспределяются материальные ценности? Кардинальное непонимание этого общего положения лежит в основе всех современных попыток общественного переустройства и усовершенствования жизни, ибо все они выросли на почве своего ушадного материалистического века, давно утратившего высшее и основное чувство человека, как нравственного существа — чувство ценности. Тот факт, что марксистский социализм в своем русском опыте, вопреки стремлению перестроить общество на новых высших началах, превратил на деле жизнь в зверинное существование, в небывалое рабство, убожество и нищету, объясняется в общем и целом лишь одним — его радикально-отрицательным отношением к ценности, как таковой. Марксистский социализм по самой природе своей не только не утверждает, но всячески дисквалифицирует ценность, низводя ее даже в теории на роль лишь производной категории, отращения, одного лишь низшего хозяйственного интереса. В этом основном его определении он — лишь доведение до логического конца того наиболее общего современного процесса материалистического вырождения, который весь может быть обозначен, как процесс обесценения ценностей. Во власти этого процесса, быть может даже более других, находился, в частности, и Ницше. Ибо и его всеобщая «переоценка ценностей» была по существу лишь их всеобщим обесценением. Но Ницше — только наиболее значительное индивидуальное явление; в русском же коммунизме эта тенденция разрешилась в грандиозный культурно-исторический катаклизм.

В этом процессе обесценения ценностей — общий диагноз духовной болезни современной культуры, болезни, чреватой в исходе ее духовной смертью, ибо вообще можно установить, что отношение к ценности есть показатель духовного здоровья, поскольку основная функция духовной жизни есть творчество, а всякое творчество есть творчество ценностей. Понижение способности оценки есть понижение духовной жизнеспособности, как ее обострение есть указание на рост последней. Оценка есть основная функция духовной жизни и, в качестве таковой, она, как было сказано, показатель личной значительности. Ценность человека измеряется тем, насколько он обладает способностью оценки Тот, кто ничего не ценит, сам не представляет

никакой ценности. Но это тем более верно в отношении культур, которые духовно умирают, когда утрачивают эту свою высшую функцию.

Законное дитя именно такого рода материалистически деградировавшей культуры, марксистский коммунизм лишь революционизировал упадочный процесс разложения, но сам не принес никаких новых сил творчества. Ибо пришел он не с новой повышенной оценкой, а с обесценением всякой ценности, не в качестве манифестации новых ценностей, а в качестве бунта против старых — и за незнанием других, — против всяких ценностей. Отсюда те, небывалых размеров, проявления хамства, надругательств, всеразвенчивания и «разоблачения», всеоплевывания и торжества безграничного мещанства, пошлости и хулиганства, которыми ознаменовалось его явление. В ценности он справедливо усмотрел осуществление принципа идеалистического мирозерцания, а он радикально материалистичен. Но именно поэтому в истории не было строя более антисоциального, чем этот «социалистический» строй. Ибо реальность социального создается в ценности. Только в ней оно осуществляется, ибо лишь ценность единит, неценное разъединяет. Ценность, как категория Единства, социальна по самому существу своему. Она — подлинная клеточка всякого здорового общественного организма. Только в ней и через нее осуществляются все отношения гармонии и единства, а тем самым, все вообще более высокие жизненные отношения: справедливости, права, благосостояния, свободы, солидарности и т. п. Ибо ценность, этот предмет творчества — всеобщей функции бытия, и есть модус всяческого Разрешения. Каждая ценность — частичный ответ на вечную загадку бытия, и также — частичное удовлетворение всех запросов существования. Она — живой, реально воплощенный элемент самого утверждающегося в Истории Абсолютного смысла: элемент всякого исполнения, победы, реализованности, осуществления. Поэтому тайна бытия — идеалистическая тайна. Ее разрешение — подвиг, героизм, жертвенность, совершенствование, то-есть все то, что имеет то или иное отношение к ценности, что обуславливает ее или обуславливается ею.

Ибо ведь в ценности осуществляется гармонический порядок Единства. И все, что говорится о ней, собственно, к нему относится. Единство же — всеобщий принцип совершенствования и совершенства, и именно в нем разрешаются все загадки, все противоречия и все проблемы бытия.

***

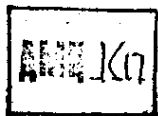
В чарующих, хотя и наивно мифических, выражениях эту великую истину о Единстве — со стороны тождества — проповедывал один из наиболее замечательных новейших проповедников величественной Веданты, Свами Вивекананда: «Когда человек узрит самого себя, как Единое с бесконечным Бытием вселенной, когда прекратится всякое разделение, когда все мужчины, все женщины, все ангелы, все боги, все животные, все растения, вся вселенная сольются в это единство, тогда исчезнет всякий страх. Кого бояться? Разве я могу нанести удар самому себе? Разве я могу убить самого себя? Разве я могу причинить вред самому себе? Разве вы боитесь самих себя? — Тогда исчезнет всякая печаль. Что может причинить мне печаль? Ведь я единственное Существо в мире. Тогда исчезнет всякая зависть Кому завидовать? Самому себе? — Тогда исчезнут все дурные чувства. Против кого буду я питать эти дурные чувства? Против самого себя? Ведь никого нет во вселенной, кроме меня.. Убейте это

разделение, убейте это суеверие, будто есть многое. Тот, кто в этом мире многого видит единое; тот, кто в этой массе не чувствующего видит это Единое Чувствующее Существо; тот, кто в этом мире теней схватывает эту реальность, — его уделом будет вечный мир, и никого другого, и никого другого».

Таково мифологически-древнее выражение Единства со стороны тождества.

Но тождество это — правда - ложь Востока перед Единством, как многообразие — правда - ложь Запада перед ним, ибо Единство — в сочетании тождества и многообразия. Оно есть Единство многого, а не Одно, Гармония разного, а не Однородность. И именно в Единстве, как таковом, будет заключаться целостная и гармоническая Истина грядущего нового мира, который явится синтетическим преодолением этой противопоставленности Запада и Востока.

П. Боранецкий.

670/4.95

РРК